

ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ И ПЕРЕВОДЕ

И. В. Чарычанская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 января 2009 г.

Аннотация: проводится сопоставление распространенности политически корректной лексики в английском и русском языках. Автором предпринимается попытка проследить влияние перевода на целевой язык. В качестве доказательства такого влияния приводятся эмпирические данные, полученные в результате работы устных переводчиков на семинарах, организованных в рамках русско-шведского проекта, посвященного проблеме занятости людей с ограниченными возможностями (2006—2008).

Ключевые слова: политическая корректность, устный перевод, инвалиды, люди с ограниченными возможностями.

Abstract: the article compares occurrence of politically correct language in Russian and English. The author makes an attempt to detect the degree the translation influences the target language. To prove the existence of the influence the author uses observational data obtained in the process of interpreting of seminars organized in the framework of Russian-Swedish project on employment of people with disabilities (2006—2008).

Key words: political correctness, interpreting, people with disabilities.

Несмотря на то, что явление политической корректности нередко неоднозначно воспринимается непосредственно носителями английского языка, не возникает никаких сомнений в том, что оно давно стало неотделимой частью языка и культуры англоговорящих стран. Политическая корректность «выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [1]. Это явление, зародившееся изначально «в связи с «восстанием» африканцев, возмущенных «расизмом английского языка» и потребовавших его «дерасиализации» — «deracialization» [1], очень быстро распространилось на остальные группы населения, сталкивающиеся с дискриминацией в языке и/или жизни. В результате можно подразделить политически корректную лексику на: 1) лексику, обозначающую принадлежность к какой-либо нации, расе, религиозной группе; 2) лексику, обозначающую некоторые профессии, традиционно считающиеся не престижными (*rubbish collector, street sweeper — domestic engineer, environmental services associate* и прочие фразы, в которых в качестве одной из составляющих обычно присутствует прилагательное *environmental*); 3) лексику, обозначающую принадлежность к определенной возрастной группе (так

называемые *ageisms*); 4) лексику, отражающую борьбу за равноправие женщин; 5) борьбу с предпочтением красивого некрасивому, неприятному (такое некорректное поведение получило название *lookism*); 6) обозначающую людей, обладающих нестандартными пропорциями (например, *vertically challenged, horizontally challenged*); 7) людей, обладающих какими-либо физическими или умственными ограничениями (*disabled people, people with disabilities*); 8) а также отражающую отношение человека к флоре и фауне (политически некорректным, например, считается слово *pet — домашний любимец*, поскольку отражает главенство человека над животным, политически корректным в этом случае считается сочетание *animal companion — животное-компаньон*).

Политическая корректность нередко становится предметом иронии. Немало примеров этого можно найти в художественной литературе:

I used to be a road digger, which is to say I dug roads for a living. These days I'm a Repair Effector for the council's Highways Department [2].

Раньше я был **ремонтником дорог**, то бишь, зарабатывал ремонтом дорог, а теперь для Автодорожного управления я **менеджер по ремонтным работам**.

They tell me there's some guy in an office somewhere whose job is thinking up posh names for people like me, for the rubbish collectors and street sweepers and toilet attendants. (Usually they manage to stick in the word «environmental» somewhere) [2].

Говорят, есть такой человек, чья работа заключается как раз в том, чтобы придумывать крутые

названия для людей типа меня, для *мусорщиков, дворников, уборщиков туалетов*. (Обычно там всегда где-нибудь да выскочит слово «экология».)

Now Daintry, his title would be something like *Last Hope Cash Dispensation Executive*. Or, in the old parlance, a plain *money lender* [2].

Ну, а Дейнтри, его бы теперь звали как-нибудь типа *менеджер по выдаче наличных имени последней надежды*. Или, по старинке, *ростовщик*.

В культуре англоговорящих стран создаются целые произведения, написанные на политически корректном языке, высмеивающие эту самую политическую корректность (например «Политически корректные сказки» Джеймса Финна Гарнера (politically Correct Bedtime Stories by James Finn Garner [3]. В газетах и журналах регулярно публикуются рейтинги самых частотных политически (не)корректных фраз года (например, одной из таких было признано прилагательное *incurious* (нелюбопытный, нелюбопытельный) — «rather than more impolite invectives for President Bush (such as idiot or moron)», которое было признано более политически корректным по сравнению с другими эпитетами, используемыми с именем Джордж Буш (а именно идиот, болван) [4]. (Стоит отметить, что в данном случае также обыгрывается название известной детской книги про обезьянку по имени Джордж «Curious George» («Любопытный Джордж».)

Безусловно, переводчик обязан быть в курсе тенденций, наблюдающихся в культуре и языке перевода, и при переводе соблюдать нормы языка, с которым он работает. Однако очень важно не воспринимать все нововведения за «чистую монету» и не уподоблять перевод пародиям на политическую корректность.

С другой проблемой сталкивается переводчик при переводе политически корректной лексики на русский язык. Бесспорно, явление политической корректности малознакомо носителям русского языка. Хотя смутное представление о его значении, пожалуй, у большинства россиян имеется. Скорее всего, они будут испытывать затруднения в формулировании понятия «политическая корректность», но смогут привести хотя бы один пример. Вероятнее всего, таким примером, как ни странно, станет выражение, не применимое к российской действительности, — *афро-американец*. В целом, можно сказать, что говорящие на русском языке к политической корректности относятся с известной долей иронии и скептицизма. Однако заявление о том, что это явление полностью чуждо нашей культуре, будет явным заблуждением.

Действительно, если мы рассмотрим группы политически корректной лексики, перечисленные выше, то заметим, что в большинстве из них отсутствуют эквиваленты в русском языке. При этом важно отметить то, что политическая некорректность

связывается с явлением дискриминации, и наибольший консерватизм в плане языковой дискриминации наблюдается в юридических документах, законах и пр. Если в частных беседах, интервью, статьях и т.д. говорящие все-таки стараются избегать, например, таких определений, как *престарелый, старый*, особенно если речь идет исключительно о физическом возрасте человека, то формулировки в документах способны оказать не самое приятное воздействие на тех, кого эти документы касаются (например, формулировка, используемая при оформлении пенсии, — *по старости*).

Как мы уже отметили, в русском языке большая часть групп политически корректной лексики отсутствует: в одних группах вместо политически корректных слов и выражений используются синонимы, лишённые отрицательной коннотации (например, *толстый* — *полный, внушительный, в меру упитанный; старый* — *в возрасте*), в других — политически корректная лексика оказывается неприемлемой в силу сложившейся традиции. Например, если вы спросите женщин, хотели бы они, чтобы каждый раз местоимение *он* дублировалось местоимением *она*, как это принято в английском языке, (например, *Каждый сотрудник обязан приходить на работу вовремя. Если он или она пришел/пришла с опозданием...*) пожалуй, найдется немного сторонников/сторонниц такого отягощения языка. Возможно, это связано с грамматическим строем русского языка, в котором нередко недостаточно только добавления местоимения, изменения требуют и глагольные окончания. Кроме того, в русском языке типично использование мужских окончаний женщинами даже в ситуациях, когда можно было бы этого избежать. Приведем пример: разговор в косметическом салоне — беседуют две женщины: клиентка и врач-косметолог, — речь идет о женских украшениях, серьгах и кольцах:

Косметолог: Да, я давно уже кольца и не ношу. Если только на отдыхе. А так пришел на работу, снял, положил куда-то и забыл. Уже сколько колец так потеряла...

В данном случае косметолог могла бы вполне использовать форму настоящего времени *прихожу, снимаю* и т.д. или будущего *придешь, снимешь*, в которых отсутствует категория рода. Однако предпочтение отдается усилению значения повторяемости действия в прошлом и настоящем, а не стремлению избежать мужского рода.

Еще одним подтверждением мысли о том, что в русском языке политически корректная лексика вряд ли когда-либо проникнет в данную группу лексики, является следующее — многие профессии в русском языке имеют формы мужского и женского рода, например: *учитель/учительница, преподаватель/преподавательница, журналист/журналистка, перевод-*

чик/переводчица. В речи по отношению к лицам женского пола используется и та, и другая формы, однако если вы спросите у женщины-преподавателя, учителя и т.д., кем она работает, в ответ вы вряд ли когда-либо услышите: «Преподавательницей/учительницей/переводчицей».

Итак, как видно, политически корректная лексика не типична для русского языка, однако совершенно отрицать ее наличие в русском языке было бы неверно: есть одна группа, в которой политически корректная лексика — случай неединичный. Это наименование профессий. В современных компаниях вы не встретите ранее привычной должности *завхоз*, зато столкнетесь с расплывчатой формулировкой *офис-менеджер*, а должность *продавца* в фирмах получила название *менеджера по продажам* и т.д.. Все эти переименования связаны со стремлением показать более высокую престижность занимаемой должности по сравнению с аналогичными должностями в их прежнем языковом оформлении. Что это, как не пример проявления политической корректности?

И, наконец, перейдем к последней группе лексики. В русском языке есть такие группы, для которых традиционно использование политически некорректной лексики, но в которые политически корректная лексика постепенно проникает. Это слова и выражения, обозначающие людей, обладающих теми или иными умственными или физическими ограничениями. В русском языке таких людей называют *инвалидами*. Однако если мы задумаемся над значением латинского слова «инвалид» (лат. *invalidus* — бессильный, слабый), то становится ясно, что если мы хотим, чтобы положение этой группы населения как-то изменилось и как-то изменилось наше отношение к ним, — возможно, стоит подумать над другой формулировкой. В качестве таковой в последнее время используется термин «люди с ограниченными возможностями». Для сравнения степени распространенности одного и другого терминов в информационно-поисковой системе Rambler нами было введено слово «инвалид» и фраза «с ограниченными возможностями». Результаты поиска: *инвалид* — сайтов: 170 809, документов: 7 284 304, *с ограниченными возможностями* — сайтов: 108 793, документов: 1 447 708, т.е. второй термин употребляется в 39 % сайтов и 16,5 % документов. При этом, как мы уже отмечали, термином «инвалид» изобилуют официальные документы — законодательства, постановления и пр., в то время как второй термин используется либо в переводных текстах, либо при предложении услуг, рассчитанных на людей с ограниченными возможностями. При этом в непереводных статьях и сайтах наряду с выражением «люди с ограниченными возможностями», применяется и термин «инвалид».

Например, отрывок из статьи под заголовком «*Время ограниченных возможностей*»:

За последние три года число детей-инвалидов в крае увеличилось на 1352 человека и составило 13 560 — это почти 2 процента от детского населения [5].

В статье под названием «*Права детей с ограниченными возможностями*» также встречаем предложение:

Мы бы хотели задать вопрос: о каких правах детей-инвалидов можно вести речь, если наше государство делает вид, что такой проблемы не существует [6].

Такая двойственность еще раз доказывает тот факт, что не только язык перевода оказывает влияние на перевод, но и перевод формирует язык перевода. В качестве такого примера можно привести семинары совместного трехлетнего русско-шведского проекта (стартовавшего в 2006 г.), посвященного проблеме занятости людей с ограниченными возможностями. В течение порядка десяти встреч, каждая из которых длилась от трех дней до недели, в основном, проводились учебные занятия специалистами центров занятости и реабилитационных центров Швеции со специалистами службы занятости, реабилитационного центра и социально-медицинской экспертизы г. Воронежа. На некоторых встречах присутствовали специалисты из других регионов, организации Роструд и представители местной законодательной власти. При этом основной состав участников оставался неизменным на протяжении всего проекта. Что касается употребления терминов «инвалиды» и «люди с ограниченными возможностями», примечателен тот факт, что используемые шведскими специалистами словосочетания «*disabled people*», «*people with disabilities*» на русский язык переводились исключительно как «люди с ограниченными возможностями».

В течение первого визита шведских коллег наблюдался явный диссонанс — при переводе звучал вышеупомянутый термин, в то время как говорящие на русском языке использовали термин «инвалиды». По завершении первой встречи проявилась характерная особенность — некоторые (очень небольшой процент) говорящие на русском языке периодически начали употреблять термин «люди с ограниченными возможностями», при этом в речи одного из говорящих несколько раз прозвучала оговорка — вместо «человек с ограниченными возможностями» — «человек с ограниченной ответственностью» (что, безусловно, не было сохранено при переводе). Однако это подтверждает непривычность данного термина для людей, работающих непосредственно с данной группой населения. Для дальнейших встреч была характерна следующая тенденция: возрос процент употребляющих термин «люди с ограниченными

возможностями», при этом вначале употребление термина сопровождалось краткой паузой и жестом, привлекающим внимание к данной фразе, что свидетельствовало о том, что термин уже знаком и говорящий готов его использовать, но он по-прежнему непривычен как для самого говорящего, так и для слушающих; далее носители русского языка начали использовать политически корректное выражение с большей уверенностью, без пауз и не задумываясь над тем, какой термин употребить. Однако сложно сказать, что оно полностью пришло на смену привычному «инвалиды». Это слово по-прежнему звучало довольно часто, причем один и тот же человек мог употреблять в своей речи как политически корректный, так и традиционный термин. Между тем очевидно то, что частотность употребления слова «инвалиды», которым до этого изобиловала речь говорящих, значительно снизилась (конкретный процент не подсчитывался, но смеем сделать предположение, что частотность употребления сократилась, по крайней мере, в два раза, а может быть, и более). При этом такое сокращение происходило не только за счет употребления нового термина, но и за счет использования таких слов, как *клиент, соискатель, человек, ищущий работу*, и т.д., т.е., по сути, произошел некий сдвиг в сознании: службы занятости как в Швеции, так и в России имеют дело и с обычными людьми, и с людьми с ограниченными возможностями. Клиентов организаций обеих стран объединяет одна цель — найти работу; основная функция сотрудников служб занятости для всех групп населения также едина — оказать помощь в поиске работы. Если в первые дни проекта в речи говорящих на русском языке постоянно наблюдались разделение, обособление этих двух групп населения: обычные люди — инвалиды, то по прошествии года этот акцент пропал. В центре внимания оказались не недостатки, не болезни, не ограничения людей, а цель работы и поиск путей достижения этой цели.

Воронежский государственный университет

*Чарычанская И. В., кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации*

E-mail: irulanuk@rambler.ru

Тел.: (4732) 22-73-62

Перед автором данной статьи, как переводчика и как преподавателя устного перевода, не раз возникал вопрос: «Как же правильно передавать на русский язык термин «*disabled people*», должны ли мы слепо следовать нормам русского языка или идти на поводу у культуры оригинала?» Слово «*инвалид*» всегда вызывало у автора негативные коннотации, и в речи хотелось его избежать. Оказавшись в роли переводчика в упомянутом выше проекте, автор вынужден был сделать выбор, найти соответствие, поскольку невозможно при переводе избежать ключевого термина. И, сделав этот выбор, переводчик еще долго сомневался в его правильности. Однако результат налицо. Мы еще раз становимся свидетелями ответственности переводчика не только перед теми, кому он переводит, но и перед языком перевода. Но в итоге, на наш взгляд, как бы мы не иронизировали по поводу политической корректности, в гипотезе Сэпира и Уорфа, пожалуй, есть доля истины, которая имеет отношение и к политической корректности. И, наверное, неспроста поется во всем известной детской песне: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тер-Минасова С. Г.* Политическая корректность, или Языковой такт / С. Г. Тер-Минасова. URL: http://www.lingvostar.kiev.ua/for_trans/politcor.html.
2. *Rankin I.* A deep Hole / I. Rankin // The Picador Book of Contemporary Scottish Fiction. — Picador, 1999. — P. 393—405.
3. Politically Correct Bedtime Stories by James Finn Garner. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Politically_Correct_Bedtime_Stories.
4. The Top Politically inCorrect Words for 2006. URL: http://www.languagemonitor.com/wst_page20.html.
5. Красноярский рабочий. — 2003. — 21 янв. URL: http://www.krasrab.com/archive/2003/01/21/09/view_article.
6. Права детей с ограниченными возможностями. URL: <http://grag75.narod.ru/children.htm>.

Voronezh State University

*Charychanskaya I. V., Candidate of Philological Science,
Lecturer of the Translation and Intercultural Communication Department*

E-mail: irulanuk@rambler.ru

Tel.: (4732) 22-73-62